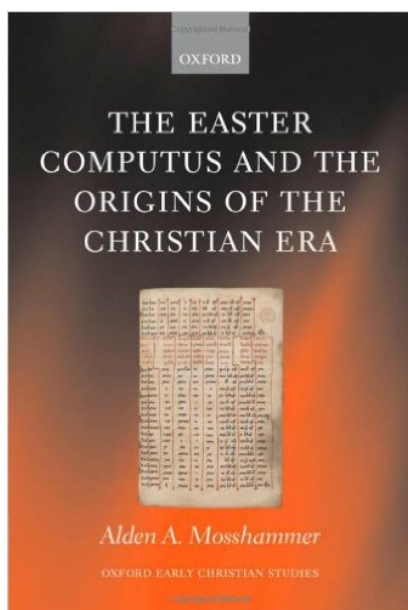

Alden A. Mosshammer. The Easter Computus and the Origins of the Christian Era. Oxford etc.: Oxford University Press, 2008. 432 p. (Oxford Early Christian Studies). ISBN 978-0-19-954312-0.

Новая книга почетного профессора Калифорнийского университета в Сан-Диего Алдена Моссхаммера, известного специалиста по византийским всемирным хроникам, посвящена происхождению христианской эры Дионисия Малого, той самой, которой ныне пользуются во всем мире. В процессе работы, по признанию автора, тема, ограниченная изучением пасхалистического труда Дионисия, где впервые появилась «наша эра», переросла в гораздо более обширное исследование. Столкнувшись с проблемой неубедительности предложенных в науке концепций, Моссхаммер предпринял полную ревизию всех представлений об истории развития пасхалистических исчислений в III–VI вв. По его собственному признанию, при изучении проблемы возникновения эры Дионисия он обнаружил, что трудно понять основу, на которой были построены часто повторяемые в науке выводы. «В конце концов я пришел к заключению, — продолжает Моссхаммер во «Введении» (с. 4), — что свидетельства источников были неверно интерпретированы и что большая часть истории пасхальных вычислений в ранней христианской Церкви должна быть переписана. То, что начиналось как исследование истоков христианской эры, переросло таким образом в исследование истоков и истории пасхальных расчетов». Следует особо отметить, что работы такого уровня охвата материала появляются в мировой науке крайне редко. Последний сопоставимый по объему труд, принадлежавший перу французского византиста о. Венанса Грюмеля, вышел в свет ровно полвека назад (*Grumel V. La Chronologie*. Paris, 1958).

Содержание книги Моссхаммера отражает метаморфозу, которую она претерпела по ходу создания. После вводной первой части (сс. 3–58), кратко очерчивающей основные понятия и принципы календарных и пасхалистических вычислений, следует вторая часть, озаглавленная «Пасхальные таблицы Дионисия Малого» (*The Easter tables of Dionysius Exiguus*, сс. 59–108). Нетрудно догадаться, что это и есть то ядро, которое лежало в основе первоначально задуманного автором исследования. Здесь емко и в то же время обстоятельно рассказывается о пасхалистических трудах монаха Дионисия, известного под самоуничтожительным прозвищем «малый, ничтожный» (*exiguus*), который в 525 г. взял на себя труд составить на латыни продолжение александрийской пасхалии свт. Кирилла — самой совершенной на тот момент пасхалистической системы — и пронумеровал в ней годы не по эре «тирана и гонителя» Диоклетиана, а начиная «от Воплощения Господня».

Однако по-настоящему центральной темой книги стала наиболее объемная и новаторская третья часть — «Пасхальные исчисления в раннем христианстве» (*Paschal calculations in early Christianity*, сс. 108–318). Здесь подробно рассмотрена эволюция христианской пасхалии. Открывает обзор глава, посвященная древнейшему типу пасхалии — 8-летнему циклу (середина III в.) и проблеме изобретения так называемых эпакт (ключа к лунному календарю). Следующая глава посвящена пасхалии Анатолия Лаодикийского (около 277 г.) — первой известной нам пасхалии, основанной на 19-летнем цикле. При этом автор предлагает собственную оригинальную реконструкцию пасхалии Анатолия. Далее рассматриваются данные пасхальных посланий свт. Афанасия Великого, где исследователь усматривает попытки адаптации цикла Анатолия к западной пасхалистической традиции. Классический тип александрийского 19-летнего цикла сложился, согласно теории Моссхаммера,

не в начале IV в., как считалось ранее, а не ранее первых десятилетий V в., в непосредственной связи с деятельностью хрониста Анниана Александрийского. Именно всемирная хронология Анниана стала той системой, под которую — по Моссхаммеру — была «откалибрована» пасхалия свт. Кирилла Александрийского — первая известная нам достоверно александрийская пасхалия классического типа. Именно ее, как известно, и продолжил Дионисий Малый. Далее в отдельных главах-экскурсах рассмотрены «ответвления» от генеральной линии развития пасхалистики — как на Западе, так и на Востоке. Глава о римской пасхалии 84-летнего типа может быть названа образцовой как по охвату использованного материала первоисточников и научных работ, так и по убедительности и четкости выводов. Больше вопросов остается в связи с предложенной Моссхаммером картиной пасхалистических и хронологических споров в Византии в VI — начале VII в., венцом которых стало появление «Пасхальной хроники». Неизвестный нам автор этого поистине эпохального труда, которому в книге уделено достаточное внимание, предложил основанную на пасхалии всемирную хронологию, легшую в основу византийской эры.

Последняя, четвертая часть книги — «Происхождение христианской эры» — как бы возвращает нас к первоначальному замыслу автора, разъяснению вопроса о том, почему Дионисий Малый поместил 1-й год «от Воплощения Господня» в тот год, который греки называли бы годом 195-й олимпиады, а римляне — консульством Гая Цезаря и Павла — 1 г. н. э. Вкратце изложив имеющиеся в нашем распоряжении данные о хронологии земной жизни Иисуса Христа, а также сведения, которые приводят на сей счет древние авторы, Моссхаммер показывает, что принятая Дионисием дата Воплощения находится в вопиющем противоречии не только с представлениями современных библеистов, но и с раннехристианской традицией — как восточной, так и западной. Тем не менее, та «ненавязчивая» манера, в которой Дионисий подает свою эру, подразумевает, что он не только не считал нужным доказывать ее историческую состоятельность, но принимал ее как нечто само собой разумеющееся. Отсюда вывод: Дионисий позаимствовал дату Воплощения из некоего достаточно авторитетного источника. В поисках такового Моссхаммер обстоятельно рассматривает три труда, предположительно принимавших схожую с Дионисием хронологию Христа — хроники Панодора Александрийского и Юлия Африкана и пасхалию Анатолия Лаодикийского. Ни одна из них не дошла до нас. И если первая, хотя и поверхностно, но известна нам по византийской хронике Георгия Синкелла, то дата Воплощения у Юлия Африкана может быть восстановлена только гипотетически, а хронологическая привязка пасхалии Анатолия — вопрос еще более темный, чем сама ее структура. Тем не менее Моссхаммер довольно уверенно движется путем реконструкций и гипотез, активно привлекая такие амбивалентные и противоречивые источники, как поздние армянские колофоны и надписи, и приходит к выводу: Дионисий Малый использовал в своей пасхальной таблице ту самую «христианскую эру», которую предложил в своей хронике Юлий Африкан в 20-х годах III в., чуть позже учитывал при создании своей пасхалии Анатолий Лаодикийский и применял для своей всемирной хронологии египтянин Панодор (ок. 400). Позволим себе привести его вывод полностью (с. 437): «Антуан Пажи (1689: iv, xxxviii) пришел в конце концов к верному решению «проблемы Дионисия». Дионисий Малый не вычислял и не изобретал какую бы то ни было новую христианскую эру. Он просто перенес на Запад укоренившуюся традицию Александрийской Церкви. Пажи говорил, что Дионисий принял как эру, так и пасхалистические вычисления из Александрии. Дело, скорее, в том, что Дионисий принял свою эру от Воплощения от александрийцев вместе с их 19-летним пасхальным циклом. Это была эра Юлия Африкана, принятая Анатолием Лаодикийским и перешедшая вместе с 19-летним циклом к Афанасию, Андрею, Феофилу, Панодору и Армянской Церкви, а равным образом и к Дионисию Малому».

Здесь не место приводить подробную и аргументированную оценку всех элементов теории А. Моссхаммера. Тем более не достойны внимания мелкие опечатки и ошибки, кото-

рых на удивление немного в прекрасно подготовленной солидным издательством книге. Обозначим лишь основные вопросы, возникшие в ходе чтения этой в высшей степени интересной, глубоко фундированной и в подлинном смысле слова новаторской работы.

Принципиальный недосмотр автора заключается в том, что он не осознает фундаментального отличия античного 19-летнего лунно-солнечного цикла, известного под названием «цикла Метона», и 19-летнего «лунного цикла» христианской пасхалии, адаптированного к юлианскому календарю. Цикл Метона состоит ровно из 6940 дней, в то время как его юлианская адаптация включает 6939 % суток и с математической точки зрения соответствует 76-летнему циклу Калиппа. Нам известно, что Юлий Африкан был знаком с 19-летним циклом именно в его классической форме, не применимой к юлианскому календарю и, соответственно, христианской пасхалии. Поэтому теория о пасхалистических основаниях хронологии Африкана совершенно невероятна (о проблеме ее реконструкции скажем ниже).

Достойно глубокого сожаления, что среди более чем 330 монографий и научных статей, на которые ссылается американский профессор, отсутствуют весьма важные для рассматриваемой им темы работы русских ученых — Василия Васильевича Болотова и священномученика Димитрия (Лебедева). И если отсутствие упоминаний о Болотове еще можно объяснить тем, что его основная работа об александрийской пасхалии была напечатана в малодоступном издании¹, то умолчание об исследованиях о. Димитрия, публиковавшихся в «Византийском временнике» и других популярных журналах², наводит на размышления. Разумеется, русский язык труден для понимания, но это нисколько не мешало ссылаться на работы Лебедева и разбирать предложенные им гипотезы тому же В. Грюмелю. Но главное, такое упущение фатальным образом сказалось на убедительности всей концепции Моссхаммера. В основу своей реконструкции пасхалии Анатолия Д. Лебедев положил тезис об исконной классической структуре 19-летнего цикла (распределение эмболимических годов типа «огдоада» + «гендекада», 3.3.2. 3.3.3.2|, где | — скачок луны), перенятой из цикла Метона и вавилонского цикла и сохраненной во всех основных вариантах «эннеакайдекаэтериды» — александрийском и иудейском. Моссхаммер, не подозревая об этой концепции — на наш взгляд, в высшей степени убедительно обоснованной, — предлагает такую реконструкцию цикла Анатолия, в которой структура не только лишена классической стройности (ожидаемой в древнейшем варианте «эннеакайдекаэтериды»), но вообще поражает своей несуразностью: 3.3.2.31 3.2.3. Опирается Моссхаммер при этом на предположение, согласно которому Анатолий принимал в качестве даты весеннего равноденствия 21 марта (с. 155 и далее). Это самая слабая из всех гипотез, выдвигающихся в книге, — и, увы, именно на ней зиждется вся предложенная Моссхаммером теория эволюции пасхалии 19-летнего типа. Памятники III-IV вв. знают дату равноденствия 22 марта, установленную Клавдием Птолемеем в 140 г.³ Очень сомнительно, что Анатолий или совре-

¹ Болотов В. В. [Доклад в заседании 31 мая 1899 г.] // Журнал Комиссии Русского Астрономического Общества по вопросу о реформе календаря в России. 1899. Приложение V. Периздано под названием «Александрийская пасхалия: логика и эстетика» в сб.: Календарный вопрос / Ред. А. Чхартишвили. М., 2000. С. 105-144.

² Лебедев Д. А. Из истории древних пасхальных циклов: 19-летний цикл Анатолия Лаодикийского // ВВ. 1911 [1913]. Т. 18. Отд. 1. С. 148-389; он же. Хронологические заметки // Там же. Отд. 2. С. 91-95; он же. Еще о цикле псевдо-Анатолия // ВВ. 1912 [1915]. Т. 19. С. 152-187; он же. Цикл Анатолия Лаодикийского по В. В. Болотову // Там же. С. 188-223; он же. Еще об Анатолии и псевдо-Анатолии // Византийское обозрение. 1915. Т. 1. С. 83-103; он же. Так называемая «византийская» эра от сотворения мира: Место и время ее происхождения // Византийское обозрение. 1917. Т. 3. Отд. 1. С. 1-52; он же. «Средники» // ЖМНП. 1911. Н. с. Т. 33; он же. К истории времяисчисления у евреев, греков и римлян. Петроград, 1914 (отд. отт. из ЖМНП); он же. О Пасхе 22 марта // Христианское чтение. 1915. № 9. С. 1135-1154.

³ Упрекая автора «Апостольских постановлений» в том, что он якобы неверно принял 22 марта за день равноденствия, Моссхаммер забывает про аналогичное убеждение св. Епифания Кипрского (*Epiph. Panar.* LI 26-27. Bd. II. S. 297-298).

менные ему александрийские астрономы могли установить 21 марта в качестве новой даты весеннего равноденствия в III в. Наблюдение равноденствия — очень сложная техническая задача; все такого рода опыты в античности были известны наперечет и сразу же заносились в анналы астрономической науки. Однако после Клавдия Птолемея о наблюдениях равноденствия александрийскими астрономами мы не знаем. Характерно, что Илия Нисибинский, который серьезно интересовался астрономией и тщательно собирал все сведения такого рода, сразу после Птолемея упоминает о наблюдении осеннего равноденствия арабскими астрономами при халифе аль-Мамуне в 829 г.⁴ Трудно предположить, что такое серьезное достижение, как коррекция даты равноденствия, осталось совершенно незамеченным современниками. Между тем, несложно убедиться в том, что 21 марта как дата равноденствия вытекает *чисто математически* из структуры пасхалии александрийского типа.

Предложенная Моссхаммером реконструкция цикла Анатолия вызывает массу вопросов. Прежде всего, если Анатолий действительно был изобретателем христианской эннеадекаэтериды, весьма странными выглядели бы его манипуляции с классической структурой цикла, закрепившейся в античной традиции⁵. Допустим, что 22 марта (26 фамемота) было принято за начало цикла как лунный аналог последнего дня эпагомен (28 августа). Но в чем практическое удобство такой конструкции? Она не избавляет от необходимости вычисления ежегодных лунных эпакт (как при эпактах на 1 марта, эквивалентных эпактам на 1 января). Кроме того, остаются без объяснения слова Анатолия о том, что 22 марта солнце идет по знаку Овна «уже четвертый день». Заметим, что вся цитата из Анатолиевых «Правил о Пасхе», сохранившаяся у Евсевия⁶, посвящена необходимости помещать пасхальное полнолуние после равноденствия — почему же Анатолий умолчал о якобы принятой им новой дате этого астрономического рубежа, 21 марта? И уж совсем странную «эволюцию» от сложного к простому предполагает гипотеза о преобразовании цикла Анатолия в александрийский цикл, который, сохраняя границу 21 марта, возвращается (!) к классическому виду. Не подкрепляют позицию Моссхаммера ни указания на эфиопскую пасхалию (которая служит не более чем отражением господствовавшего у коптов и эфиопов позднего александрийского цикла), ни спорные параллели с циклом «умножающих на пять и шесть» (где аналог «скачка луны» в 12-м году получается *автоматически* из-за принятой в их системе ежегодной добавки эпакт в 5/60 дня: $1 = 5/60 \times 12$; причем сама по себе эта добавка получена в результате рассуждений, не имеющих никакого отношения к циклу Анатолия). Что же касается ссылки на 30-летний пасхальный цикл из веронской рукописи, то в имеющихся там пасхальных датах легче усмотреть гибрид александрийского цикла с циклом Анатолия в реконструкции Шварца (из 45 указанных там пасхальных полнолуний с ними совпадают $14 + 11 = 25$ дат), чем подобие реконструкции Моссхаммера (17 совпадений); впрочем, привлечение этой таблицы в данном контексте вообще представляется неоправданным.

Следующий проблемный сюжет относится к новой теории возникновения александрийской пасхалии. Ученые, начиная с Иделера, прямо увязывают возникновение александрийского 19-летнего цикла — начинающегося в 1-й день 1-го года эры Диоклетиана (1 тота 284 г.) — с эпохой Диоклетиана. Между тем, по мнению Моссхаммера совпадение начала александрийского цикла с 1-м годом так называемой эры Диоклетиана носит случайный характер. В качестве аргумента предлагается теория, объясняющая само появление эры Диоклетиана политическими реформами, приведшими к утрате Египтом особого статуса в Римской империи (с. 174). Однако вопрос о применении годов правления Дио-

⁴ *Elia Nisib. Chron. II. Textus. P. 45-46; Versio. P. 70.*

⁵ *Лебедев Д.А.* Из истории древних пасхальных циклов... С. 238-299 (Приложение А).

⁶ *Euseb. Hist. eccl. VII 32.*

клеттиана для счета лет в пасхалии тем самым не снимается. Положим, «эра Диоклетиана» широко использовалась в Египте в IV в.; но наряду с ней применялись и другие эры — например, эра Филиппа в хронологических таблицах астрономов. Для чего христианам вспоминать в пасхалии имя Диоклетиана, своего главного гонителя, если с его эрой не было бы связано очевидное практическое удобство? Из пасхальных прологов Феофила и св. Кирилла видно, что александрийские архиепископы не раз пытались отмежеваться от имени Диоклетиана, заменив его именами благочестивых императоров. Так, Феофил, приурочивая свою пасхальную таблицу к 1-му консульству Феодосия I (380 г.), торжественно пишет императору, что желающим узнать точную дату Пасхи «подобает обращаться к твоему имени», которое таким образом «навсегда сохранится среди людей». Его преемник св. Кирилл, чтобы привязать пасхалию к имени Феодосия II, берет за начало 403 г., когда император Аркадий впервые назначил консулом своего младенца-сына. Тем более странным выглядит предположение, что именно Кириллу принадлежит «калибровка» александрийского цикла на эру Диоклетиана (с. 193). Во всяком случае, попадание новолуния 1-го года цикла на 1-го года эры Диоклетиана — вещь слишком очевидно удобная, чтобы допускать случайность этого.

Логичнее допустить перекалибровку цикла Анатолия, проведенную его учениками в начале IV в. Если у Анатолия Лаодикийского начало цикла — новолуние 26 фаменота, что в отношении лунной фазы тождественно кануну 1-го года (и только в 1-м году цикла, из-за скачка луны, — 1-го года), то начало александрийского цикла — новолуние 27 фаменота (тождественно 1-го года). Переход от одной системы к другой — математически изящная операция; 21 марта как предел пасхальной границы появляется в ней автоматически (при условии классической структуры цикла). А то, что эта дата равноденствия лучше соответствовала астрономическим реалиям IV в., едва ли кого волновало. Любой календарь — прежде всего математическая система, в которой удобство вычислений стоит гораздо выше, чем астрономическая точность.

Далее. Проделанное А. Моссхаммером (с. 178-182) сравнение парижской пасхалии, изданной А. ван де Вивером, с данными, содержащимися в заголовках и Индексе к Пасхальным посланиям Афанасия Великого, показало, что их объединяет чередование эпакт 29.11.22. (в 9-11 гг. пасхалии ван де Вивера), которым в первые 3 года александрийского цикла соответствуют эпакты 30.11.22. Моссхаммер (с. 187-189) предположил, что 95-летняя таблица на 334-428 гг. н.э. и продолжающая ее пасхалия ван де Вивера и есть тот самый цикл, которым пользовался если не сам Афанасий Великий, то анонимный автор Индекса к его Пасхальным посланиям. Это якобы была модификация цикла Анатолия, созданная с целью приближения к римскому 84-летнему циклу для 343-345 гг. и фигурировавшая на Сардикском Соборе в 353 г. Однако наши представления о генезисе александрийского цикла не дают оснований предполагать для его развития такую ступень. В цикле ван де Вивера скачок луны находится явно не на месте, разрывая и без того причудливую структуру (3.3.1 | 1.3.3.2.3). Это заставляет видеть в нем гибридный вариант 19-летнего цикла, в котором цикл Анатолия был приспособлен к александрийской пасхалии. Сделано это было путем механического переноса «скачка луны» между 9-м и 10-м годами и перестановки эмболимического месяца с 17-го на 16-й год. Озадачивает то, что «скачок» был помещен не после 10-го года (что сделало бы весь ряд пасхальных полнолуний идентичным александрийскому), а после 9-го. Точно такой же вид имеет современная армянская пасхалия, опирающаяся на цикл Андрея Византийского — именно его и отражает, на наш взгляд, пасхалия ван де Вивера. Разъяснения Моссхаммера остроумны, но, как сам он вынужден признать, неубедительны⁷. Никакая реформа не могла сблизить 19-летний цикл с римским 84-летним, и Пасхальные послания Афанасия — прекрасное тому подтверждение. Встречающиеся в них элементы адаптации к римской практике сводятся к довольно

⁷ «The evidence is not compelling» (Р. 189).

грубым припискам и искажениям и не претендуют на систематичность; и наоборот, систематическое появление 29 эпакт в 342 и 361 гг. вместо alexandрийских 30 эпакт странным образом никак не отражается на итоговом результате.

А. Моссхаммер считает, что совпадение начала 19-летнего цикла с началом эры Диоклетиана появилось лишь в пасхалии св. Кирилла Александрийского как побочный результат приспособления цикла Анатолия к хронологической системе Анниана, разработанной в начале V в. Приурочив пасхалию к 1-му консульству Феодосия II (403 г.), Кирилл был вынужден прибавить 4 «пролептических» года перед начальной датой, которая оказалась 5-м годом цикла. Оправдывая эту нестыковку, он заявляет, что пасхальный канон обязательно должен начинаться с начала 19-летнего цикла⁸. Следовательно, и его предшественник Феофил начал свою пасхалию с 1-го года цикла; именно поэтому он приурочил ее начало к 1-му консульству Феодосия I (380), а не к его воцарению (379): ведь только 380 г. совпал с 1-м годом 19-летнего цикла. Это означает только одно: alexandрийский цикл, «откалиброванный» на эру Диоклетиана, существовал уже при Феофиле. И мы имеем об этом прямое свидетельство в источнике. Пролог к пасхалии Кирилла прямо утверждает, что цикл *Феофила имеет скачок луны в конце 19-го года*. Согласно теории А. Моссхаммера (с. 198-203), именно эра Анниана определила тот классический вид alexandрийского цикла, который он впервые принял в пасхалии Кирилла Александрийского. Ради совмещения начала мировой эры Анниана (март 5492 г. до н.э.) с 1-м годом пасхального цикла Кирилл якобы осуществил реформу 19-летнего цикла Анатолия (который в реконструкции Моссхаммера мало отличается от alexandрийского) и перенес его начало на 8 лет вперед. По нашему глубокому убеждению, отношение между эрой Анниана и alexandрийским циклом прямо противоположное: не цикл следовал за эрой, а эра за циклом. Это не только следует из общих логических соображений, но и подтверждается текстами источников. Как было показано выше, счет лет в пасхалии Феофила в честь Феодосия I уже соответствовал alexandрийскому циклу — а ведь она появилась *ранее* системы Анниана, работавшего уже при Аркадии. Для свт. Кирилла счет лет в пасхалии был незыблем и не зависел ни от какой мировой эры — о которой он не преминул бы упомянуть, оправдываясь перед Феодосием II за не вполне изящное начало посвященной ему пасхалии. Что же касается Анниана, то он недвусмысленно использует alexandрийский 19-летний цикл как *основной элемент* своей системы, критикуя Евсевия Кесарийского за то, что по его хронологии сотворение мира не попадает на 1-й год цикла⁹. Совершенно ясно, что для того, чтобы «обличать» Евсевия с помощью, как он выражается, «циклического пасхального тома», Анниан должен был не просто быть хорошо знаком с alexandрийской пасхалией: он должен быть абсолютно уверен, что порядок лет в ее цикле — *единственно возможный*. Следовательно, к 412 г., когда Анниан закончил свой труд, alexandрийская эннеакaideкаэтерида уже пользовалась беспрекословным авторитетом. В то время, как по Моссхаммеру она впервые появилась лишь в пасхалии Кирилла, составленной около 430 г.

И, наконец, последнее спорное достижение Моссхаммера — его реконструкция хронологической системы Юлия Африкана (с. 402-418). Ученый предлагает в качестве эпохи эры Африкана 25 марта 5501 г. до н.э., датируя Воплощение 25 марта 1 г. до н.э., а Воскресение — 25 марта 31 г. н.э. Сами по себе предложенные даты Воплощения и Воскресения не вызывают возражений, однако их вывод покоится на довольно шатких основаниях. Главный изъян теории Моссхаммера — предположение, что год у Африкана начинается *в середине* года олимпиады. Однако олимпиада у Африкана мыслится не как отрезок, а как единовременное событие. Об этом говорит регулярно применяемый к ней глагол «*ἦλθη*» (собственно, *прошла, проведена*), который обычно употребляется в отношении спортив-

⁸ Cyr. Alex. De Pasch. P. 220-221.

⁹ Georg. Sync. Chron. P. 36.

ных игр или праздников¹⁰. Именно олимпиада «проходит» в том или ином году, а не тот или иной год начинается «в такую-то олимпиаду»; об этом со всей очевидностью свидетельствует пример со 189-й олимпиадой, Моссхаммером игнорируемый. Кроме того, ряд постулатов данной гипотезы (архонтство Филина в 1-й год 250-й олимпиады; падение Александрии во 2-й год 187-й олимпиады) вступают в противоречие с текстом источника. Особенно много вопросов вызывает «ключевая» для реконструкции Моссхаммера дата 25 марта. Все имеющиеся в нашем распоряжении источники говорят о том, что этот день не играл в восточнохристианской традиции *никакой роли* вплоть до конца IV в. В первые десятилетия III в., когда Юлий Африкан работал над своей хроникой, 25 марта только-только начинает пробивать себе дорогу в западном церковном календаре как дата Страстей Христовых¹¹, не имеющая никакого отношения ни к творению мира, ни к Воплощению...

Исследователь пасхалии и хронологии имеет в своем распоряжении не только *тексты* (зачастую искаженные переписчиками), но и *системы* — календарноматематические конструкции, основанные на тех или иных формальных принципах. Это, с одной стороны, облегчает его задачу, давая в руки дополнительные инструменты верификации источников, но, с другой стороны, обрекает на гипотетические построения и теории, опирающиеся не столько на конкретные свидетельства источников, сколько на общую логику. И хотя в истории логическая непротиворечивость доводов далеко не всегда оценивается столь же высоко, как в «точных» науках, лишь умелое сочетание обязательного для историка следования букве источника и понимания математической сути реконструируемых календарно-пасхалистических систем позволяет успешно продвигаться вперед. К сожалению, фундаментальный труд Алдена Моссхаммера оказался уязвим для тех самых упреков в гипотетичности и превратном толковании источников, которые побудили его самого заново переписать историю становления христианской пасхалии и хронологии. При этом его теория уступает гипотезам

В. Грюмеля и Д. Лебедева в систематическом плане. Однако появление нового фундаментального труда по столь сложной теме — несомненно, эпохальное событие в науке, и отныне именно книга Моссхаммера станет той основой, от которой должны будут отталкиваться будущие исследователи. *Faciant meliora potentes!*

П. В. Кузенков

Опубликовано: Вестник ПСТГУ. I серия. 2009. Вып. 4 (28). С. 66-74

¹⁰ См., напр.: *Georg. Sync. Chron.* P. 231, 252, 255, 286 (трижды), 297.

¹¹ *Tertull. Adv. Jud.* 8. 18.